

Наш предатель

Свадьба Ашрафа Марвана и Моны Насер. Слева президент Насер, 7 июля 1966

«Я не поклонник шпионских романов», — говорит Ури Бар-Йосеф. Это намек на то, что читатель не увидит взрывающихся наручных часов или сцен погони в новой книге профессора Хайфского университета (в прошлом — аналитика разведки) «Ангел. Агент в Египте, спасший Израиль». Это рассказ о том, как высокопоставленный египтянин стал самой ценной находкой израильской разведки и как разногласия между шефами резидентуры в конце концов привели к его гибели.

Когда в два часа дня 6 октября 1973 года молодого резервиста Бар-Йосефа срочно мобилизовали, он не мог знать, что мобилизация была вызвана предупреждением, поступившим от агента в Египте.

Ашраф Марван родился в «типичной каирской семье среднего класса». Он был

прилежным и сообразительным студентом, получил степень бакалавра по химии и был принят в армейский элитный академический резерв. Столь же важны для его будущего были внешние данные: он был «высоким, привлекательным и располагающим к себе, выглядел как человек, который знает, как брать от

жизни все». Эти качества привлекли внимание его будущей жены Моны — младшей дочери президента Насера.

Когда Мона сообщила отцу, что хочет выйти замуж за Марвана, Насер отнюдь не обрадовался. Когда глава его администрации Шараф собрал сведения о потенциальном женихе, подозрения президента только укрепились. «Отчет, который Шараф отправил Насеру, не был лестным для Марвана. Там подчеркивалась его амбициозность и любовь к светской жизни, а искренность чувств к Моне подвергалась сомнению». Тем не менее в 1966 году пара сыграла пышную свадьбу, и Марван получил невысокую должность под началом Шарафа. Его раздражала невысокая зарплата и невозможность обогатиться за счет новых семейных связей, обусловленная тем, что Насер придерживался строгих нравственных принципов.

Вскоре молодой муж отправился в Англию, чтобы продолжить работу над магистерской диссертацией по химии. Его оскорбленное самолюбие и острая жажда риска привели к тому, что в один прекрасный день 1970 года он позвонил в израильское посольство в Лондоне, предложив свои услуги в качестве шпиона. Вскоре после этого, благодаря удачному стечению обстоятельств и собственным талантам, Марван стал основным советником Анвара Садата. Он продолжал передавать Израилю секретные сведения, уже будучи богатым и могущественным человеком, и делал это вплоть до 1998 года.

Одни, как Бар-Йосеф, считают Марвана ценнейшим приобретением Израиля, другие продолжают утверждать, что тот всегда был двойным агентом, намеренно вводил израильтян в заблуждение и отчасти ответственен за огромные потери Израиля в войне 1973 года.

Эти подозрения начались с самого первого контакта Марвана с израильтянами. Моссад, по словам Бар-Йосефа, «следил за зятем Насера с того самого момента, как тот прибыл в Лондон. Они знали, что он стеснен в

средствах ...и знали, что его заставили вернуться в Египет с позором, после того как один богатый друг оплатил его карточный долг, и в Лондон он вернулся лишь для того, чтобы сдать экзамены». Моссад тем не менее полагал, что, несмотря на свою нужду в деньгах, Марван вряд ли может стать предателем — слишком он близок к Насеру. Поскольку его никто не вербовал — он сам предложил свои услуги, израильтяне продолжали относиться к нему скептически, но... перспектива заполучить ценного шпиона, входящего в семью египетского президента, была чрезвычайно соблазнительна. А когда Марван передал своему куратору Дуби информацию, подтвержденную другими египетскими источниками, доверие к нему возросло.

Фамилию офицера Дуби, конечно, можно узнать: этот секрет разгласил Арон Брегман в книге «Шпион, упавший на землю: мои отношения с тайным агентом, потрясшим Ближний Восток». Брегман — израильтянин, переехавший в Лондон, — разоблачил Марвана как израильского шпиона еще в 2002 году. И все эти годы Брегман и Бар-Йосеф, возлагающий на Брегмана ответственность за гибель агента, ведут непрекращающуюся борьбу.

Президент Египта Садат подписывает соглашение с ливийским лидером Муаммаром Каддафи. В центре стоит Ашраф Марван, сентябрь 1973

Спор о том, на кого на самом деле работал Марван, связан с дискуссией о неготовности Израиля к войне в 1973 году. Два героя действуют на протяжении всей книги: это Эли Зейра, глава военной разведки в 1973 году, и глава Моссада в том же году — Цви Замир.

В июле 1972 года Анвар Садат потребовал вывести советские войска из Египта, что стало реакцией на отказ СССР предоставить Египту вооружение, необходимое для того, чтобы отвоевать у израильтян Синай.

Основываясь преимущественно на сведениях, поставляемых советником Садата — Марваном, израильтяне разработали «концепцию», согласно

которой Египет не начнет войну без «оружия устрашения», прежде всего, зенитной артиллерии и ракет, способных поразить израильские города. Но к осени планы изменились: Египет собирался объединиться с Сирией и затеять небольшую войну с целью вернуть только восточное побережье Суэцкого канала. Марван передал эту информацию Дуби. «Концепция» изменилась, но не все в Израиле почувствовали эти изменения:

Зейра оценивал ситуацию так: ...вероятность того, что Египет действительно попытается пересечь Суэцкий канал, «близится к нулю». Этот ошибочный прогноз был связан с тем, что Зейра неправильно истолковал вывод советских войск. Вместо того, чтобы видеть в этом подготовку к войне, он решил, что это резкий отход Египта на оборонительные позиции.

Зейра и его ведомство — военная разведка — продолжали придерживаться «концепции» вопреки предостережениям Марвана и сведениям, поступавшим из других источников: все они сигнализировали, что «концепция» устарела и у египетского президента теперь другие планы. Когда не подтвердилась дата, названная Марваном как начало войны, Зейра использовал это как повод отместить всю информацию, поступающую от агента, вместо того чтобы допустить, что при планировании войны сроки неизбежно меняются.

После войны Эли Зейра ушел в отставку, но не признал свою вину. Он утверждал, что Марван был двойным агентом и усыпил подозрения Израиля, специально предоставив ложные сведения о начале войны, которые не подтвердились. Совсем иначе думал глава Моссада Замир, который однажды отказался выполнять прямое распоряжение Голды Меир передать информацию американцам, опасаясь, что тем

самым выдаст Марвана.

Долгие годы ограничиваясь уклончивыми намеками, в 2004 году, выступая по израильскому телевидению, Зейра, наконец, назвал имя Марвана и заявил, что тот был двойным агентом. Через неделю в той же телепрограмме появился его давний соперник Замир и сказал, что Зейра должен «предстать перед судом за разглашение источников разведанных. ...Делая это, он нарушает первую из десяти заповедей разведывательной службы». Зейра возбудил против Замира дело о клевете и проиграл его. Но для Ашрафа Марвана это уже не имело значения: спустя три недели после того, как с

Замира сняли обвинения в клевете, Марван погиб, выпав с балкона своей лондонской квартиры. Это произошло 27 июня 2007 года.

Скотланд-Ярд не смог — или не захотел — определить, было ли это убийством или самоубийством. Бар-Йосеф уверен в том, что за этим стоят египтяне, которые больше не могли отрицать, что зять Насера и первый помощник Садата оказался предателем.

«Ангелу» устроили пышные похороны в Каире со всеми почестями. Президент Мубарак, который в тот момент был за границей, выступил с заявлением, в котором назвал Марвана «истинным патриотом своей страны». Сын и вероятный преемник президента Гамаль Мубарак присутствовал на похоронах и выражал соболезнования вдове и сыновьям Марвана.

Эйми Ньюман Смит, Our Kind of Traitor